

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

ЧТО О СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.

Сочиненіе г. Рязань. А. А. Толстого.
Сочиненіе Восточнаго. Февраль.

1.

Положа тенденціонной беллетристики, кажется, канула въ вѣчность, безвѣратно, да и прошла совершенно бесслѣдно. Въ самомъ дѣлѣ, что теперь помнятъ тенденціонныя повѣсти, разказы, романы еще такъ недавно наполнявшія собой страницы журналовъ? И сколько не вызываютъ въ беллетристамъ заповѣды, записки въ узкихъ повѣстныхъ критикѣ, требуя „идейности“, „общественныхъ задачъ“ — все тщетно: „идейность“, и „общественныя задачи“ мало влияют на писателей дѣйствительно беллетристовъ. Даже, напримеръ, г. Вл. Короленко, который въ своихъ не беллетристическихъ произведеніяхъ является писателемъ съ очень опредѣленнымъ и очень узкимъ міровоззрѣніемъ, съ яркою тенденціонною окраской, тотчасъ же является, выступая какъ беллетристъ. Въ его беллетристическихъ произведеніяхъ нѣтъ никакой тенденціи, не проводится никакихъ „идей“, не разрѣшаются никакихъ „общественныхъ вопросовъ“. Не говорю уже о г. Чеховѣ. Упреки въ отсутствіи тенденціонности, или какъ теперь выражаются, „идейности“, стали обыкновеннымъ припискомъ всѣхъ либеральныхъ критиковъ насмѣющихся произведеній этого писателя.

Конечно, все это есть результатъ вліянія самаго духа времени. Вопросы общественные и политическіе, вопросы утилитарные, еще такъ недавно занимавшіе нашу журналистику, стоили на послѣдній планъ. И теперь тяжести какъ бы перенесены изъ внѣ внутрь. Проповѣдь Достоевскаго, звучавшая въ то время, въ 1876—77 году, какъ-то странно, не пропала даромъ.

Она явилась какъ бы предостереженіемъ перелома общественнаго настроенія. Замѣчательно что утилитарную и отрицательную сторону своей литературной дѣятельности послѣднихъ годовъ графъ А. Толстой не повліялъ ни на кого. Она отрицаетъ Церковь, государство, всякое общественное устройство — и это его отрицаніе вызвало отпоръ рѣзительно со всѣхъ сторонъ: объ этомъ одинаково, или почти одинаково высказывались люди совершенно различныхъ міровоззрѣній. И въ то же время положительная сторона дѣятельности графа А. Толстого, его проповѣдь объ обращеніи излѣтъ внутрь себя имѣла сильное и неотразимое вліяніе. На первый планъ выступили вопросы нравственные, *души* *человѣческой* снова получаютъ первенствующее значеніе; въ обществѣ начинаютъ съ большимъ усердіемъ читать такіе произведенія какъ *Мысли Паскаля*, какъ *Дискурсъ Амиеля*, и современнаго читателя болѣе всего занимаетъ жизнь души и выраженіе этой жизни души. Но остатки прежняго все еще какъ шелуха облекаютъ собою это новое общественное настроеніе. „Красны чуждые съ годами спадаютъ леткою чешуей“, — но еще не спали окончательно, и вѣдо думать что новое общественное настроеніе получить опредѣленное выраженіе, отольется въ твердыя формы только въ грядущемъ поколѣніи, которое выступитъ на историческую арену не ватрунутое и не отравленное тѣмъ что пережили мы. Въ самомъ дѣлѣ, то что въ насъ еще сѣлжалъ, едва заживающая рана, для слѣдующаго поколѣнія уже перейдетъ въ исторію, явится лишь овитомъ для изслѣдованія и размышленія, и успѣха этого слѣдующаго поколѣнія будутъ направлены уже не на освобожденіе изъ путъ, не на богданенный анализъ пережитаго, а на созидательную работу. Но это слѣдующее поколѣніе представляется намъ загадочнымъ. О современной молодежи говорить очень много дуракаго. Ея упрекаютъ въ черствости, въ холодности, въ малой отзывчивости. Говорятъ что съ упраздненіемъ такъ-называемыхъ „вредныхъ идей“ въ молодежи упразднились и всѣяны идеи. Мнѣ кажется

во всемъ этомъ есть много преувеличеннаго, а если въ современной молодежи и можно замѣтить нѣкоторую умственную апатію и сердечную вялость, то вѣдь это есть прямое послѣдствіе того нервнаго и безплоднаго напряженія, которое пережила молодежь предшествующаго поколѣнія. Вѣдь съ самыхъ шестидесятихъ годовъ общество систематически отучалось мыслить самостоятельно, жило словами и формулами, поворачивалось туда и сюда по командамъ искусственно созданнаго общественнаго мнѣнія, и мудро ли что молодежь выросшая и воспитавшаяся среди подобнаго общества впала въ умственную апатію и сердечную вялость? Ростъ личности слишкомъ насильственно былъ прерванъ—и что удивительнаго если личность у насъ плохо развивается и растетъ?

Что же, однако, дѣлается въ средѣ современной молодежи, какъ это узнать? Художественная литература могла бы дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, но художественная литература не занимается современной молодежью. Два наши дѣйствительно даровитые беллетриста, гг. Чеховъ и Короленко, разсказываютъ намъ совсѣмъ о другомъ. Г. Короленко болѣе занятъ жизнью души народной и жизнью души людей поставленныхъ въ какія-нибудь исключительныя условія, г. Чеховъ прекрасно изображаетъ изломаннаго, искореннаго, потерявшаго образъ человѣческій „интеллигента“. Очевидно оба эти писателя или не знаютъ или не понимаютъ современной молодежи, и вотъ почему вовсе не касаются ея. Интересно бы услышать голосъ изъ самой среды этой современной молодежи—и такой голосъ раздается время отъ времени. Именно какъ голосъ раздающійся изъ среды самой современной молодежи интересны время отъ времени появляющіеся разказы г. Л. Л. Толстаго.

II.

Г. Л. Толстой очень молодой человѣкъ, почти мальчикъ, у него есть еще только начинающееся дарованіе и есть искренность. Я уже указывалъ на это, разбирая одинъ

изъ его разказовъ. Разказы его интересны какъ показанія свидѣтеля—въ языкъ такъ и нужно отнестись, отдавая въ нихъ объективнаго отъ того субъективнаго элемента, безъ котораго не обходится никакое свидѣтельское показаніе. Но г. Толстой—хорошій свидѣтель, помнящій что нужно говорить правду и старающійся говорить ее. Онъ не сочиняетъ молодыхъ людей, какъ обыкновенно сочинили ихъ наши беллетристы. Въ его разказахъ мы видимъ обыкновенныхъ молодыхъ студентовъ, которые немного учатся, немного пляшутъ, немного развратничаютъ и которыхъ вращать только простодушіе ихъ молодости. Такъ оно дѣйствительно есть,—такъ и всегда было. Какія бы общественныя настроенія не преломились въ средѣ молодежи—сущность жизни большинства этой молодежи остается одна и та же. И обнаруживая эту сущность, показывая эту сѣренькую, будничную жизнь учащейся молодежи, юный беллетристъ правдивостью своихъ изображеній подрываетъ тотъ культъ молодежи, который еще такъ недавно процвѣталъ и который существуетъ и до сихъ поръ. Еще недавно учащейся молодежи навязывали общественную роль, что продолжается отчасти и теперь, а навязывая ей эту роль, учащуюся молодежь увѣряли что она представляетъ собою какъ бы безапелляціонную рѣшительницу всѣхъ вопросовъ. Увѣрить въ этомъ молодежь было не трудно. Молодость всегда самолюбива, любить становиться на ходули, играть роль—и чѣмъ бездарнѣе молодой человѣкъ, чѣмъ меньше имѣетъ онъ истиннаго достоинства, тѣмъ болѣе развивается у него стремленіе становиться на ходули и играть роль.

И вотъ эту сторону разказовъ г. Л. Толстаго, показывающаго дѣло въ его настоящемъ видѣ, надо особенно цѣнить, какъ показаніе достовѣрнаго свидѣтеля.

Такое достовѣрное свидѣтельство находимъ мы и въ его разказѣ *Со ссерженномъ*. Но кромѣ правдиваго описанія сѣренькой жизни учащейся молодежи, мы въ этомъ разказѣ находимъ еще и иное. Авторъ показываетъ какія стремленія существуютъ...

Ю. Николаев

< Ю. Н. Говоруха-Отрок >

с. 5.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОЦЕНКИ Г. ГОЛЬЦЕВА

Корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Ведомостей* (№ 45) сообщаетъ свои впечатлѣнія о послѣднемъ чтеніи г. Гольцева въ *Общество Любителей Русской Словесности*:

Когда я осторожно пробираюсь къ своему мѣсту, В. А. Гольцевъ подводилъ съ каведры кое какіе итоги что сдѣлаю въ сферѣ изящной словесности за прошлый годъ. Попутно лекторъ коснулся и вѣчнаго спора о задачахъ искусства. Оно вѣдь не даетъ спать г. Гольцеву, действительно требуя чтобы онъ указывалъ ему, наконецъ, истинные пути. Г. Гольцевъ всегда громилъ принципъ „искусства для искусства“, и былъ горячимъ поборникомъ „искусства идейнаго“. Такимъ онъ остался и до сихъ поръ. И объ этомъ не стоило бы говорить, если бы не два замѣчанія лектора, заслуживающія особаго вниманія. Онъ изволилъ водить, начинаешь думать что истина по срединѣ, между обоими принципами. Возьмите любое стихотвореніе Фета, убавьте въ немъ на половину чистаго искусства, и свободное мѣсто наполните идейностью, ну хотя бы Некрасова, и получится нѣчто удивительно прекрасное. Стоитъ только всѣмъ, имѣющимъ касательство къ художественному творчеству, творить по этому гольцевскому рецепту, и дѣло будетъ въ шляпѣ. Вѣковой споръ оконченъ. Другое замѣчаніе г. Гольцева

точно также любопытно. Переводя вопросъ на утилитарную точку зрѣнія, онъ доказывалъ что два художника, обладающіе равнымъ талантомъ, принесутъ, однако, не одинаковую пользу обществу, если будутъ сѣдовать различнымъ принципамъ художественнаго творчества. Идеальный художникъ будетъ хотя мысль будить. Онъ хотя въ этомъ направленіи будетъ полезенъ. А потому... а потому „идейное искусство“ выше „искусства чистаго“. Да здравствуетъ г. Мачтетъ, и да погибнетъ г. Чеховъ, котораго все еще продолжаютъ упрекать въ безцѣльности! Правда, даже по Гольцеву, вѣроятно, Чеховъ талантливѣе Мачтета, но за то у Мачтета не меньше „добрыхъ намѣреній“, чѣмъ у Чехова таланта. А это чего нибудь да стоитъ... если смотрѣть на произведенія искусства съ утилитарно-гольцевской точки зрѣнія. Курьезнѣе, понятно, звучала такая мотивировка взглядовъ на задачи искусства, раздѣляемая съ каведры Общества Любителей Россійской Словесности.